

32. Chapman B. Der Polizeistaat. München : List, 1972.
33. Stölting E. Geleitwort zur Soziologie der Polizei // Beiträge zu einer vergleichenden Soziologie der Polizei. Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2009.
34. Wolzendorf K. Der Polizeigedanke des modernen Staats: ein Versuch zur allgemeinen Verwaltungslehre unter besonderer Berücksichtigung der Entwicklung in Preussen. Breslau : Marcus, 1918.

УДК 340.1

*В.И. Павлов, кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории государства
и права Академии МВД Республики Беларусь*

ЧЕЛОВЕК – ПРАВО – ГОСУДАРСТВО – ТЕХНИКА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В последнее десятилетие в сообществе правоведов наибольший интерес вызывают две главные темы. Первая из них связана с возвращением к обсуждению проблемы человека и его прав, которая после 90-х гг. прошлого столетия переживает свою новую постановку. Прежде всего эта проблема касается взаимодействия человека и институциональных образований, в основном, конечно, государства (человек – государство, гражданское общество – государство, личная свобода – общественная безопасность и т. д.). Вторая, не менее важная, тема – это технологизация права, все более активное использование информационных технологий как в жизнедеятельности общества в целом, так и в правовой реальности в частности. Представляется, что эти две важные темы связаны между собой и требуют своего осмысления в комплексе.

Сегодня становится все сложнее обсуждать проблему человека и его свободы в отрыве от проблемы техники. Традиционно тема человеческой свободы в политически организованном обществе рассматривается в контексте ее ограничения государственной властью, т. е. в традиционной новоевропейской постановке вопроса о «подозрении государства». Однако проблема свободы человека сегодня должна также анализироваться и в контексте не менее мощной тенденции, в соответствии с которой контроль в современном обществе осуществляется не только государством, но и медиаплощадками, интернет-таблоидами, блог-каналами, частными информационными корпорациями и т. д.¹

¹ Например, интернет-портал TUT.BY в общественном сознании белорусов ассоциируется с достоверным и объективным источником информации и в этом отношении вполне конкурирует с государственными СМИ.

Речь идет о возрастающем развитии техники и ее влиянии на поведение людей.

Человек и его правовое существование¹ сегодня постепенно переменяются из актуальной реальности в виртуальную, которая все чаще приобретает правовые черты независимо от юридикации этой реальности со стороны государства (прежде всего из-за социальной значимости виртуальных операций и их последствий). Этот процесс объективен, и он только нарастает в своих масштабах ввиду увеличивающейся дигитализации социального мира. Следовательно, традиционное рассмотрение права как средства социального контроля, социальной инженерии на современном этапе развития общества постепенно уходит в прошлое, уступая свое место концепции *техники как социальной инженерии и основного социального регулятора*. В связи с этим нельзя не вспомнить знаменитую статью М. Хайдеггера «Вопрос о технике», в которой он достаточно рано (1953), еще до широкого распространения информационных технологий, подметил антиантропологическую направленность технического развития, достигшего сегодня своей вершины в области высоких технологий: «Человек настолько решительно втянут в постав (раскрытие потаенности через развитие техники в целях получения выгоды. – В. П.), что не воспринимает его как обращенный к нему вызов, просматривает самого себя как захваченного этим вызовом, прослушивает тем самым все способы, какими в своей захваченности экзистирует из своего существа, и потому уже никогда не может встретить среди предметов своего представления просто самого себя» [2, с. 233].

Безусловно, государство использует технические достижения в процессах управления и, несмотря на определенное отставание в использовании цифровых информационно-коммуникативных технологий в государственно-властной деятельности, постепенно усиливает свою технологическую составляющую. Однако было бы неверным рассматривать использование государством техники только с позиции усиления социального контроля. В своих работах мы уже обосновывали целесообразность осмысления данной проблемы только в рамках классического либерализма [3]. Когда говорят о деятельности государства по включению техники в стратегии государственного управления, не обращают внимание на тот факт, что государство таким образом ис-

¹ Понятие «правовое существование» не характерно для традиционной общеправовой теории, которая в основном оперирует понятием «правовое поведение». Понятие «правовое существование» («правовая экзистенция»), используемое в антропологическом подходе к праву, раскрывается нами в отдельной работе [1, с. 79–80].

пользует технические достижения (базы данных, информационные ресурсы и пр.) для более эффективного управления в дигитализированном мире, в том числе для конкуренции в области социального управления как с субъектами внутри национальной политической системы, так и с другими государствами и иными игроками на международной арене. Если еще в начале 2000-х гг. координирующие нормотворческие органы Беларуси планировали работу по систематизации законодательства на базе цифровой платформы (сегодня это Национальный правовой интернет-портал и интернет-портал «Правовой форум Беларуси»), то сегодня они уже вынуждены думать о соотношении новых юридизированных технологических инструментов с традиционными институтами права и о цифровой безопасности созданных правовых информационных систем. Важно понимать, что развитие техники обусловлено не государственной политикой – это общая тенденция развития человечества, разворачивание новоевропейской установки на подчинение природы. Развитие современных информационных технологий демонстрирует их направленность на человека, на ограничение человеческой свободы и даже угрозу трансформации самого человеческого существа (например, концепция трансгуманизма). Поэтому государство призвано не только технологизироваться ради эффективного управления, но и выступать институтом защиты человека от «власти техники» (например, та же реализованная концепция безопасного интернета), т. е. быть той удерживающей силой, которая поможет миру, чтобы он «до времени не превратился в ад» (В.С. Соловьев).

Кроме того, следует отметить, что возможности использования государством техники в целях социального контроля ограничены, поскольку высокие технологии как раз выступают пространством свободы и независимости от государства. Их техническая природа такова, что они направлены не на централизацию, а на распределение, децентрализацию коммуникативных каналов. Несмотря на все попытки государства, традиционного субъекта организации публичной власти, использовать технику как социальную инженерию, в конечном счете развитие техники приведет к кризису такого рода публичного управления. И сегодня мы это видим на примере концепции «Государство-как-Платформа», о которой пойдет речь далее. Удержать социальное согласие и публичное пространство посредством государственных технологий контроля и дисциплины в будущем вряд ли удастся.

Развитие Беларуси, России, других государств мира в последние два-три года демонстрирует повышение внимания к информационным технологиям, особенно в сфере экономики. И это не случайно: вследствие интенсификации технического развития и внедрения все новых и

новых цифровых инструментов практически ежегодно происходит смена технологий и бизнес-моделей в традиционных отраслях экономики, все чаще появляются новые отрасли, сферы, ниши предпринимательской деятельности.

В Беларуси был издан Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», в котором был введен ряд новых цифровых инструментов для регулирования отношений в сфере экономики и существенно изменен правовой режим субъектов экономической деятельности, в том числе индивидуальных предпринимателей и физических лиц, в части использования цифровых финансовых инструментов для получения прибыли. В порядке правового эксперимента декрет определил такие новые средства цифрового регулирования, как договор конвертируемого займа, опционный договор, смарт-контракт, институт indemnity (обеспечительный договор), соглашение о неконкуренции и др. [4].

В России повестке цифровизации был посвящен весь 2018 год и ей же, видимо, будут посвящены как минимум последующие шесть лет (до 2024 г. правительство определило пять базовых направлений развития цифровой экономики в России). Работающая в России группа исследователей международной консалтинговой компании Boston Consulting Group (BCG) совместно с государственными чиновниками разработала концепцию «Государство-как-Платформа» [5], а также выделила четыре приоритета цифровизации социальной реальности («цифровая приватизация», «цифровой скачок», «самоцифровизация» государства и «цифровое реинвестирование») [6]. Концепция сводится к глобальному преобразованию государственного управления с традиционной бюрократической системы на цифровые информационно-коммуникативные технологии управления обществом. Прежде всего разработчики отталкивались от идеи развития бизнеса, но не только. В концепции затрагивается и социальная сфера, и вообще вся сфера управления обществом вплоть до публично-правового регулирования.

Основная мысль «Государства-как-Платформы» – это переход к сервисному государству, IT-государству, «государству для меня», с мягким отказом от рассмотрения государственных органов как органов власти, перевод их на платформенные назначения [5, с. 7]. Раскрытие этой идеи сопровождается постоянным утверждением авторов о необходимости привития на государственной службе «цифрового менталитета» [5, с. 9], сервисного мышления государственных служащих.

Полагаем, что разработчики, ориентируясь на развитие бизнес-среды, переоценили возможности распространения предлагаемых идей на всю сферу социальных отношений. В концептуальном плане имплицитно присутствует мысль о возможности устранения публично-

правовых отношений и императивного правового регулирования с помощью техники. Эта идея утопична, ибо власть, управление в обществе не устранимы вследствие природы человека и необходимы для поддержания социальной справедливости. Вместе с тем сами по себе такие соображения не безопасны. Техника – это не освобождение от власти, а ее новая, более сложная и утонченная форма, нередко со скрытыми иерархическими центрами. Но вопрос даже не в этом, а в том, где гарантия того, что технологические средства управления будут более гуманными?

Безусловно, техника дает возможность решить ряд проблем государственного управления, порожденных, как правило, самим техническим развитием. Ведь если внимательно проанализировать развитие моделей управления, то оказывается, что усложнение бюрократии и сложности управленческих операций в XX столетии произошло в основном за счет технологизации процессов менеджмента. Техника, цифровизация порождает, по словам Р. Генона, настоящее «царство количества» (например, появление компьютера, принтера и ксерокса в разы увеличило количество и сложность управленческих операций). Тем не менее не вызывает сомнений то, что действительно во многих сферах управления рутинные операции сегодня могут выполняться программными системами, что взаимодействие граждан и государства в ряде сфер на основе цифровых платформ посредством мультимедийности с использованием мобильных и других устройств может существенно понизить коррупционные риски и облегчить коммуникативное пространство. Однако все это еще не означает отмену принципов публичности и императивности социально-правового регулирования.

В концепции «Государства-как-Платформа», которую широко обсуждают в экспертном сообществе и в кругах как государственных, так и корпоративных управленцев, можно выделить несколько проблемных положений, которые являются важными с позиции права.

1. В концепции максимальная человекоориентированность результатов государственного управления и оказания сервисов предполагается будет достигнута посредством максимальной человеконезависимости процессов оказания сервисов [5, с. 18]. Иными словами, человекомерность, к которой в последние десятилетия призывала антропология права, планируется достичь путем замены человека техникой, т. е. формализацией и даже математизацией процессов еще более высокого уровня, нежели любая юридическая догматика. Минимизация человеческого фактора, использование «человеконезависимых алгоритмов» в управленческих решениях означает, по сути, замену субъекта – физического лица на программный сервис, выступающий своего рода

протосубъектом права, который, по мнению разработчиков, способен достигать управленческой цели более эффективно.

2. Таким же протосубъектом права в концепции выступает и «цифровой двойник» – программный комплекс, который предполагает аккумуляцию данных о человеке (здоровье, образование, психологические особенности т. п.) и даже претендует на определение индивидуальной траектории развития личности [5, с. 22], т. е. постепенно оказывает обратное воздействие уже на самого человека, имплицитно навязывая ему антропологические практики (сегодня такую функцию выполняет, например, контекстная реклама на мобильных устройствах).

3. Не менее претенциозным в концепции является и идея смешения нормативного правового материала в форме единого комплекса данных, не разделенных по документам или видам правовых актов с доступом к ним любого санкционированного приложения или узла цифровой платформы [5, с. 26]. Определенно можно сказать, что упразднение дифференциации правовой информации по юридической силе, характеру правовых предписаний и другим традиционным юридическим параметрам создаст проблему дисбаланса с позиции публично-правового и частноправового регулирования.

4. Контрольно-надзорные функции в функционировании государственной цифровой платформы предлагается возложить не на реальных управленцев, а на «интеллектуальных агентов» – программные системы, работающие на основе искусственного интеллекта [5, с. 30], в чем также просматривается идея техники как протосубъекта права. Одна из проблем в связи с этим будет заключаться в формулировании принципа возможности создания механизма признания программного решения неправильным с позиции целей и эффективности правового регулирования.

5. Традиционные рабочие группы по выработке управленческих решений и разработке проектов правовых актов предполагается сместить на кросс-функциональные команды, подчиненные непосредственно Оператору государственной цифровой платформы, а не руководителю ведомства. Несмотря на момент продуктивности данного предложения, тем не менее в нем есть риск демонтажа профессиональной иерархии, что может привести к утрате профессионального опыта и его передачи.

6. Главное, в концепции фактически не раскрыты самые основные – антрополого-правовые – риски (на них мы остановимся ниже), описаны только риски той группы, которая связана с возможными препятствиями в продвижении «Государства-как-Платформы» в современной системе государственного управления.

С позиции целостной эволюции общества и человека стремительное развитие техники однозначно является однобоким процессом. Положительный социальный и гуманистический эффект технологического прорыва явно преувеличен, но медийная зависимость социума, управленческих элит, а нередко и научного сообщества приводит к эффекту создания сюрреалистичного образа реального положения дел и перспектив технологического будущего. Действительным же показателем роли техники в социальном развитии являются господствующие в обществе антропологические практики, как правомерные, так и противоправные. В особенности это касается процесса становления личности, особенно молодого поколения. Какое место занимает техника в сохранении и защите ценностных оснований социума и, главное, в их передаче в традиции? Делает ли техника человека лучшим? Предполагает ли цифровизация улучшение человека, его нравственного облика?

Кажется, эта позиция не консервативного алармизма. Главное негативное последствие цифровизации для человека заключается в том, что она не только не совсем способствует, а даже и препятствует формированию личности в онтологическом смысле. В технике просто нет возможностей онтологизации человека, т. е. нет такой модели существования, при которой человек, работая с самим собой, преодолевает личное нравственное несовершенство, заложенное в человеческой природе, и стремится к воспроизведению на личностном уровне нравственно идеального способа существования. А это очень важно для обеспечения правомерного поведения в социуме. Перспективы технического развития направлены не на работу человека с самим собой, а на постепенное вытеснение ценностных, личностно-конститутивных антропологических практик из социального пространства с заменой их на технические аналоги – «цифровые двойники». Да, техника облегчает жизнь человеку, однако предлагаемые вместо человека «цифровой двойник», «интеллектуальный агент» и другие сервисы еще больше приводят к отчуждению человека в современном мире.

Пожалуй, можно согласиться с исследователем рисков цифровизации реальности О.Н. Четвериковой в том, что основной причиной стремительного развития цифровых технологий является определенная антропологическая практика, инициируемая неолиберальной экономической моделью развития, моделью потребления: «В центре цифровой экономики находится клиент, вокруг которого располагаются производители товаров и услуг, желающие до него дотянуться. Последняя „информационная миля“ на этом пути – частная жизнь человека – является самой дорогой. Все за нее бьются, потому что компаниям и банкам хочется знать о клиенте абсолютно все» [7]. Глава рабочей группы российской программы «Цифровая экономика» по направлению «Ин-

формационная безопасность» Н.И. Касперская также указывает на риски дигитализации реальности. В частности, среди них она выделяет роботизацию человека (его сознания), деградацию собственных компетенций и традиций, утрату тайны личной жизни и приобретение зависимости, потерю рабочих мест, высокую юридическую неопределенность, этические проблемы, рост социального отчуждения и снижение эффективности юридической ответственности и др. [8]. Не лишено смысла и следующее опасение, высказанное экспертом: «Мы и так крайне зависимы от Windows, MS Office, Oracle, SAP, Facebook, Google. А если мы построим новую экономику на чужих криптовалютах, если нашим производством и транспортом станет управлять ИИ, разработанный Гуглом или Микрософтом, если мы отдадим большие данные о нашей экономике, наших АЭС и заводах, гражданах и госучреждениях западным игрокам – мы окончательно станем Цифровой колонией США» [8].

Конечно, возможно рядовому гражданину мало интересна такая постановка вопроса о технике в его стране. Однако завтра технические решения будут касаться его и его близких самым непосредственным образом, и ответственность, а также последствия этих решений будут возложены на государство, что совершенно логично.

Одной из основных проблем развития цифровых технологий является трансформация правовой системы, особенно конституционных прав личности, которые выступают базовыми правовыми ценностями.

Основное право, подвергающееся изменению в связи с развитием технологий, это *право на тайну личной жизни* и вообще на все то, что связано с процессом формирования и существования личности в обществе в целом и в правовой реальности в частности. Какой бы подход правопонимания мы ни использовали, человек и его личность всегда находятся в центре правового регулирования, поскольку право по своей природе человекомерно. На заре развития техники никто, наверное, не думал и не ставил такую цель, чтобы высокие технологии привели к эпохе «конца анонимности» и полной транспарентности человеческого существования. Однако сама инерция технического развития закономерно несет в себе риск формирования в качестве нормальных особых антропологических практик, для которых характерны прозрачность человеческого существования и его полное включение в определенную социальную систему (коллектив, организация, страна), функционирующую в едином комплексе с цифровыми технологиями социального мониторинга и контроля. Следовательно, иные антропологические практики, непрозрачные для той или иной социальной системы на платформенной цифровой основе и исключенные из нее, постепенно начинают рассматриваться (с позиции системы) как подозрительные, находящиеся

на грани девиации. Девиантными их будет маркировать на математическом основании именно техника. Постепенно в общественном сознании может сформироваться презумпция неправильности, асоциальности человека, стремящегося к внутренней анонимности. Причем основная проблема в данном случае будет заключаться в том, что оспорить систему технической оценки человеку будет невозможно, ибо такую оценку дает не человек, а объективный математический алгоритм¹.

Еще одной проблемой с позиции воспроизводства социальных ценностей является трансформация конституционного *права на труд*. Государство обязано обеспечить реализацию этого права, ведь труд – это не только способ зарабатывания денег, но и созидательный механизм личностного формирования. Развитие же техники само по себе обусловлено не поддержанием практики социализации, не сохранением социальных ценностей и традиций путем продумывания социальной структуры общества посредством создания рабочих мест, а извлечением прибыли и борьбой за клиента. Иными словами, техника прямо или косвенно способствует десоциализации значительных слоев населения, которые постепенно превращаются в деклассированных людей (проблема безработных, прекариата и т. д.).

Право на образование также подвержено рискам. Технологизация образовательного процесса, а также науки, особенно гуманитарной, нарастающий приоритет технического элемента над гуманитарным означают деантропологизацию и дегуманизацию общества. Именно фундаментальные науки, в частности юриспруденция, исходят из онтологических вопросов человеческого существования и, следовательно, формируют онтологический фундамент у обучающихся. В правоведении к таким относятся вопросы сущности права, справедливости, свободы, гуманизма и др., которые основываются на изучении правовых традиций, истории правовой мысли, философско-правовой рефлексии. Не случайно в рамках формирования общеправовой теории теме техники было определено прикладное место в рамках раздела «Юридическая техника».

Подвергается изменению и традиционный институт *права собственности*. Главным объектом собственности становятся не вещи и даже не права на них, а данные – информация в формализованном виде на базе цифровых систем, пригодная для передачи, связи или обработки. Данные – это не наличный, а виртуальный цифровой объект, который хранится в электронной системе. Как точно подметила

¹ В Китае уже сегодня тестируется система социального рейтинга населения на цифровой платформе, которая планируется к введению в действие с 2020 г. Специалисты нередко именуют ее «цифровой диктатурой».

Н.И. Касперская, данные, по сути, принадлежат не столько человеку, сколько программной среде, цифровому устройству, которым обладает человек. Поэтому перемещение вещей из актуальной в виртуальную среду связано для человека с рисками онтологического сдвига и утраты предметного основания. С.С. Хоружий в этом отношении усматривает однозначную тенденцию движения человечества к человеку виртуальному («постчеловеку») и исчезновению человека онтологического – человека как такового [9].

С перемещением вещей и процессов в цифровую форму возникают проблемы верификации, подтверждения права собственности (например, концепция «Интернет вещей» (Internet of Things)¹). Непрозрачность технических устройств, возможность, например, дублирования, копирования, уничтожения, иного неправомерного использования данных серьезно ограничивают реализацию права собственности на данные в отличие от традиционной правореализации собственности и права на нее. Ведь данные принадлежат не наличной, а виртуальной реальности, поддерживаемой аппаратными средствами и требующей соответствующего режима и энергозатрат. На основании этого отдельными экспертами даже предлагается государству предоставить правомочия собственности на данные, в первую очередь для возложения обязанности на национальное государство по их защите и обеспечения гарантий принадлежности человеку.

Действительно, персональные, особенно биометрические, данные, раскрывающие индивидуальные и личностные свойства человека, составляют группу важнейших естественных прав и неотъемлемых личностных характеристик. Поэтому, перенося эти характеристики в виртуальную реальность с помощью цифровых технологий, Big Data, человек, прежде всего как субъект права, становится чрезвычайно уязвимым и зависимым как перед правонарушителем, так и, что не исключено, перед самим государством. В виртуальной реальности человек должен иметь возможность контролировать свои данные на праве абсолютного владения, пользования и распоряжения ими. Но возможно ли это чисто технически? В связи с этим можно сказать, что государство по крайней мере программными и юридическими средствами обязано обеспечить человека, чтобы ими гарантировать личностную привязку данных к нему. Не секрет, что сегодня многие программные серви-

¹ Концепция вычислительной сети физических предметов («вещей»), оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой. Организация таких сетей рассматривается как явление, способное перестроить экономические и общественные процессы, поскольку из части действий и операций исключается необходимость участия человека [10].

сы, приложения на мобильных устройствах императивно запрашивают доступ к личным данным прежде всего из маркетинговых соображений. Личные данные используются для торговли ими и совершения маркетинговых операций, а также для функции оперирования большими объемами антропометрической информации в самых различных целях, вплоть до военных и геополитических.

В заключение сформулируем положения, которые следует учитывать при анализе техники в процессе совершенствования правового регулирования.

1. Развитие техники связано с глубоким влиянием на антропологическое содержание права, на его человекомерность. В этом процессе действует следующая основная закономерность: *антропологическое вытесняется техническим*, хотя последнее, казалось бы, вводится именно как раз для улучшения положения человека как главного объекта, ценности и цели правового регулирования.

2. Подход, который сегодня используется при совершенствовании отраслевого законодательства в связи с внедрением технологий, имеет серьезные недостатки. Он основан на включении в механизм отраслевого регулирования технических достижений без фундаментального экспертного анализа и оценки, без научной экспертизы. При легализации технических продуктов не пересматриваются критерии функционирования отраслевых институтов и отрасли в целом, не анализируется трансформация целей и задач отрасли права. Внедрение технологий рассматривается исключительно в русле подстраивания традиционных юридических средств под появившийся новый технический инструментарий (высказываются предложения полностью заменить человеческое опосредование в правоприменительной деятельности на техническое, в том числе при вынесении процессуальных решений (создать «следователя/судью-машину»), разработать идеальный способ познания профессиональной компетентности человека с описанием рисков противоправности и придать ему юридическое значение в частном праве (полиграф), заменить юриста-консультанта роботом и т. д.).

3. При проведении научной экспертизы в связи с введением технических инноваций в отраслевом регулировании нужно использовать *аксиолого-правовой подход*. Аксиология права слабо развита в рамках отраслевых правовых теорий. Исследователи не изучают ценностные изменения, происходящие в отраслевом регулировании в связи с включением техники, ориентируются на внедрение инновационных подходов в инструментально-операциональном ключе. В связи с этим в рамках исследований целесообразно пересмотреть показатели эффективности функционирования отраслевого инструментария, отраслевых юридических средств: количественные и технические показатели не

должны доминировать над нетехническими и качественными, которые в ситуации активного включения техники заведомо проигрывают. Не изменив подходы к оценке достижения цели отрасли права, можно в один момент просто не понять тенденцию отраслевого развития.

4. Юридическая практика своеобразно подстраивается под несовершенство правового режима функционирования технических инноваций. Практики обычно исходят из собственных утилитарных соображений, ориентируясь на удобство, оперативность, низкочувствительность и наибольшую легкость решения задач правоприменительной деятельности. Обратный сигнал законодателю о несовершенстве функционирования технического продукта поступает крайне редко. Поэтому нередко, когда на практическом уровне подправляется несовершенство нормативного регулирования техники, страдает рядовой гражданин. Сняв таким образом остроту нормативного несовершенства, заложенного при включении технического продукта в правовую действительность, как правило, с помощью выработки под эти цели правоприменительных обыкновений, юридическая практика нивелирует существующие проблемы, связанные с функционированием техники. Таким образом, юридическая практика не может выступать ориентиром для определения должного положения техники в правовом регулировании.

5. Фундаментальный анализ включенных технических новаций при совершенствовании законодательства должен быть основан на соответствующей юридической методологии, которая была бы чувствительна к техническому элементу в праве. Такой подход должен быть обязательно антропологически фундирован, связан с антропологическими основаниями, поскольку развитие техники в ее современном и будущем состоянии сопряжено с вытеснением антропологических содержаний права. Техника в праве бросает вызов человеку в праве, поскольку ключевые юридические регулятивные операции, например создание нормативного правового акта, принятие правоприменительного решения, квалификационная деятельность, определение наказания, в целом оценка правового поведения человека, всегда были в юриспруденции не техническими, а именно антропологическими действиями. Их совершали конкретные люди, учитывающие в правореализации множество юридически значимых контекстов и уникальность разрешаемой юридически значимой ситуации. Под эти цели юриспруденция выработала целый ряд юридических средств и моделей дискреционного характера. Вопросы, которые должны решаться в ходе научной, антропологической экспертизы технических новаций, – это вопросы о пределах включения и способах существования техники в праве, а также о рисках человекомерности права, которые в связи с этим возникают.

6. В публичном праве, особенно в охранительных отраслях, при включении виртуальной реальности в поле правового регулирования путем конструирования уголовно-правовых и административно-правовых запретов недостаточно по аналогии с обычной наличной правовой реальностью и ее закономерностями юридизировать «поведение» человека в виртуальной среде: в каждом случае юридизации нужно соотносить свойства техники и их сопряжение с восприятием и поведением человека в виртуальной реальности. Создание широкого поля таких запретов в итоге может привести к искажению юридического смысла понятия осознания противоправности и общественной опасности/вредности деяния, в целом юридической конструкции вины, поскольку простая первичная техническая манипуляция запускает множество последующих технических действий, являющихся, по сути, действиями техники, а не человека. Например, простой единичный «клик» (click) в том или ином программном сервисе для рядового пользователя не означает двух, трех, четырех и более шаговых последствий разворачивания технических операций в программной среде, однако при выявлении социальной вредности таких последствий они могут быть деликтивизированы и человек становится правонарушителем [11]. При этом сам программный сервис, особенно в рамках социальных технологий Web 2.0, для пользователя никак не связан по своему назначению с риском противоправности. Задача правовой охраны в таком случае усложняется.

Наиболее верным вариантом решения этой проблемы является анализ и учет в правотворческой деятельности тех свойств техники, которые создают подобные риски, т. е. переносят деликтологический акцент с человека на производные технические функции, за которые несет ответственность разработчик технического продукта.

7. В охранительном праве также проблематизируется традиционная юридическая конструкция презумпции знания закона, которая обеспечивает возможность привлечения лица к ответственности. Увеличение деликтологических последствий техники, особенно в виртуальной реальности, по сути, превращает презумпцию знания закона в *презумпцию знания техники и ее свойств*. А это, как показывает практика функционирования социальных сетей и в целом постепенная деликтолизация виртуальной реальности, составляет серьезную проблему. Увеличение технической составляющей в сфере права создает все больше обязанностей человека знать деликтологические последствия функционирования техники, которые с течением времени будут пропорционально увеличиваться.

Существует несколько вариантов решения данной проблемы. Первый вариант – это акцент на традиционной презумпции знания закона

посредством более тщательного информирования, предупреждения пользователя технического продукта. Однако в условиях повсеместного вовлечения молодежи в виртуальную реальность и тотального распространения цифровых сервисов в повседневности данный вариант вряд ли окажется эффективным. Второй вариант, также малоперспективный, – это прямой юридический запрет или ограничение использования технического продукта (практика Китая, Северной Кореи и др.). Третий, наиболее эффективный, на наш взгляд, вариант решения проблемы связан с выдвиганием требований к разработчикам технических продуктов, в частности, при проведении технической патентной и научной экспертиз, а также уже в процессе легального использования продукта. При обнаружении антрополого-правовых рисков, вызываемых техническими свойствами образца, особенно неявными, скрытыми от пользователя образцами, следует предложить автору продукта создать техническую контрмеру или опцию в отношении этого, предусмотрев юридическую ответственность разработчика за прогноз последствий юридического действия продукта на стадии разработки, а также в процессе эксплуатации изделия.

1. Павлов В.И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Минск, 2017.

2. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления : пер. с нем. М., 1993. С. 221–238.

3. Павлов В.И. Государство и проблема правогенеза в антропологическом подходе к праву // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2018. № 1. С. 214–217.

4. Овейко С.В. Декрет № 8: операции с криптовалютами и правовой эксперимент [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. Минск, 2019.

5. Петров М., Буров В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. М., 2018.

6. Четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике [Электронный ресурс] // Интернет-портал Vestifinance. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/92525> (дата обращения: 12.03.2019).

7. Четверикова О.Н. Под властью техники. Пойдут ли на пользу человеку блага цифровой экономики? [Электронный ресурс] // «Аргументы и факты. AiF.BY». 2018 г. 9 янв. URL: http://www.aif.by/social/pod_vlastyu_tehniki_poydut_li_na_polzu_cheloveku_bлага_cifrovoу_ekonomiki (дата обращения: 15.03.2019).

8. Касперская Н.И. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации [Электронный ресурс] // МедиаМера. URL: <https://mediamera.ru/post/25799> (дата обращения: 12.03.2019).

9. Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергической антропологии [Электронный ресурс] // Журнал «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия». URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5246-problema-postcheloveka-ili-transformativnaya-antropologiya-glazami-sinergijnoj-antropologii.html (дата обращения: 15.03.2019).

10. Neil Gershenfeld, Raffi Krikorian, Danny Cohen. The Internet of Things // Sci. Amer., 2004. Oct. P. 76–81.

11. Штраф за репост трехлетней давности – как рабочий гродненского завода стал экстремистом [Электронный ресурс] // Информационный портал города Гродно. URL: <https://newgrodno.by/society/shtraf-za-repost-trehletnej-davnosti-kak-rabochij-grodnenskogo-zavoda-stal-ekstremistom> (дата обращения: 15.03.2019).